

Семейная драма Бугаевых и ее отражение в творчестве Андрея Белого

1. Метаморфозы старого туранца

С ранних лет и до конца жизни отношение Андрея Белого к его отцу, Николаю Васильевичу Бугаеву, было отмечено печатью мучительной и загадочной двойственности. В не менее сложных формах протекало его общение с матерью. В истории русской литературы трудно найти другой пример почти полной свободы писателя от *уз крови*, наследственности, бытовых традиций и в то же время — столь глубокой и болезненной связи с родителями при полном отрицании генетической зависимости от них своей подлинной личности: «высшего Я», имеющего свои истоки в духовном мире.

Учению о *естественном происхождении* человека, с которым он был знаком с раннего детства, Андрей Белый противопоставлял свой метафизический опыт *нерожденности*, с трудом поддающийся вербализации и находящий свое выражение лишь в «шифрах кармы». ¹ Заимствованное из восточной мудрости понятие кармы ² Андрей Белый интерпретировал в антропософском духе, вносящем в буддийский детерминизм элемент христианской свободы. ³ В целом закон

¹ *Андрей Белый и Иванов-Разумник*. Переписка / Публ., вступ. статья и коммент. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада; Подгот. текста Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 426. Темой своего романа «Москва» Андрей Белый считал тему «судьбы, понятой, как карма» (Там же).

² Карма — от санскрит. *karman* (деяние, действие). Поскольку буквальный перевод мало что дает для уразумения метафизического смысла этого слова, оно, как правило, употребляется в современных европейских языках в санскритском варианте, но многообразно интерпретируется в зависимости от религиозных и философских убеждений.

³ *Белый А. Воспоминания о Штейнере // Белый А. Собрание сочинений. Т. 7: Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззре-*

кармы может рассматриваться «как закон сохранения моральных ценностей. Это означает, что всё происходящее с человеком — результат его собственных поступков»,⁴ совершенных в прошлых жизнях. Признавая реальность кармических закономерностей, Андрей Белый стремился обнаружить их действие как в своей собственной судьбе, так и в судьбах героев его романов. Интуитивное понимание значения кармы для выстраивания коммуникативных связей в литературных произведениях он находил у Достоевского. «Множество лиц, образующих видимый лишь кавардак обстановки романа (имеется в виду любой роман Достоевского. — В. И.) и сброшенных лбами в мятушуюся, суетливую кучу сбежавшихся к центру романа *слугайных* (разрядка моя. — В. И.) людей, при анализе нитей, связавших их где-то *кармизески* (разрядка моя. — В. И.) в точке центральной, нарочно пока еще скрытой, — в дальнейшем течении романа слагаются в общей концепции друг относительно друга как органы целого».⁵ В свою очередь, идея кармы обретает свой полный смысл лишь при допущении возможности реинкарнаций (метафизических метаморфоз) «высшего Я», отличаемого от эмпирической и одноразовой личности.

Для повседневного сознания человека, привыкшего рассматривать жизнь только в границах рождения и смерти, звучит полнейшим абсурдом утверждение писателя-символиста: «Никогда не рождался»,⁶ тогда как для него самого очевидной и переживаемой в медитативном опыте истиной была вечная природа человеческого духа, лишь ниспавшего в материю, чтобы вновь вернуться на свою истинную родину: в духовный мир. Сходные мысли высказывал и Николай Бердяев. «У меня, — писал он в своей автобиографии, — никогда не было чувства происхождения от отца и матери, я никогда не ощущал, что родился от родителей».⁷ При всём том, философ воспринимал внутренне чуждую ему родовую среду

нии современности. Воспоминания о Штейнере / Общ. ред. В. М. Пискунова; Сост., коммент. и послесл. И. Н. Лагутиной. М., 2000. С. 372.

⁴ Буддизм: Иллюстрированная энциклопедия. М., 2010. С.121.

⁵ Белый А. История становления самосознающей души // Белый А. Душа самосознающая / Сост. и вступ. статья Э. И. Чистяковой. М., 1999. С. 266.

⁶ Белый А. Записки чудака // Белый А. Собрание сочинений. Т. 6: Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака / Общ. ред. и сост. В. М. Пискунова. М., 1997. С. 429. Архетипом «высшего Я», пребывающего вне времени и пространства, может служить библейский образ Мелхиседека: «Без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни» (Евр. 7: 3).

⁷ Бердяев Н. Самопознание. М., 1998. С. 258.

без трагического надлома, несмотря на сложную семейную атмосферу, «родственную Достоевскому»,⁸ и даже снисходительно относился к родителям — «скорее, как отец к детям»,⁹ тогда как Андрей Белый факт своего рождения в семье знаменитого ученого-математика, женатого на молодой красавице, переживал еще в детстве, омраченном постоянными ссорами родителей, как своего рода проданность в *рабство*,¹⁰ *заброшенность в гуждый мир*. Однако с годами всё более и более возрастало его внимание к тайне, связавшей крепкими узами личности, столь противоположные по своим задаткам и способностям.

В особенности воспоминания об отце с какой-то магической силой завладели творческим воображением Андрея Белого. Подвергаясь многочисленным трансформациям, образ профессора Бугаева постоянно возникает в произведениях писателя-символиста — начиная с «Петербургга» и кончая романом «Москва», не говоря уже о его мемуарах. Не всегда легко провести в них границу между вымыслом и эмпирической реальностью, или, говоря словами Гёте, «между поэзией и правдой». Образ отца, выведенный Андреем Белым в его мемуарной трилогии с предельной рельефностью, документальной убедительностью и незабываемой красочностью, пробуждал у современников писателя некоторое недоумение, отразившееся, в частности, в рецензии Георгия Адамовича. Поэт, в целом довольно критически оценивший «На рубеже двух столетий», отмечал в 1938 году: «Портрет отца удивителен. Он строен, сложен и блестящ. Не берусь только судить, насколько он правдив именно как портрет, а не как *поэтический образ* (курсив мой. — В. И.)».¹¹ «За давностью лет, — писал Адамович, — первый том воспоминаний Белого легче воспринять как поэтическую фантазию».¹² Однако вполне правомерен вопрос: а нужно ли различать в данном случае «поэзию и правду»?

Ответ зависит от того, с каких позиций изучать биографию Андрея Белого. Имеет смысл доискиваться до *правды*, если пытаться в *объективированной (отгужденной от существования) форме* реконструировать

⁸ Бердяев Н. Самопознание. С. 264.

⁹ Там же. С. 258.

¹⁰ Белый А. На рубеже двух столетий / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова. М., 1989. С. 219.

¹¹ Адамович Г. Андрей Белый и его воспоминания // Андрей Белый: Pro et contra / Сост., вступ. статья, коммент. А. В. Лаврова. СПб., 2004. С. 879. Впервые рецензия была опубликована в журн.: Русские Записки (Париж). 1938. № 5. С. 137–149.

¹² Адамович Г. Андрей Белый и его воспоминания. С. 879.

ход внешних событий.¹³ Другое дело, когда хотят охарактеризовать те же события с *экзистенциальной* точки зрения, стремясь в той или иной степени интуитивно посмотреть на мир глазами самого Андрея Белого. В таком случае «*поэзия и правда*» предстают в *неслиянном и нераздельном единстве*. В произведениях писателя-символиста образ Николая Васильевича Бугаева представлен прежде всего в динамике его возникновения в сознании самого Андрея Белого: от первых мигнов пробуждающегося к жизни младенца через семейные конфликты и трагедию взаимного непонимания до прозрения в суть духовного архетипа профессора Бугаева, его «высшего Я», пребывающего за чертой быстрого времени.

Путь шел от мифоподобных переживаний, еще не имевших ничего общего с эмпирической личностью декана математического факультета, через враждебное отчуждение (вплоть до чувства отцеубийственной ненависти) к своего рода апофеозу и, наконец, к смиренному признанию в недооценке своего отца, заслоненного обстоятельствами быта профессорской квартиры: «Что отец мой был крупен и удивительно оригинален, глубок, что он известнейший математик, то было мне ведомо <...> и — все-таки: не подозревал я размеров его», — писал Андрей Белый в своих воспоминаниях.¹⁴

До конца дней его не оставляло чувство горечи от непроясненности их отношений друг к другу: непонимание сути духовных устремлений сына со стороны отца, постоянное ощущение недосказанности и трудно выразимой в словах *странности* семейной атмосферы: «Всегда отмечалось мне: странная связь существует меж нами, а разногласия всё углубляются; но чем становились глубже они, тем страннее друг к другу, сквозь них, мы влечемся, вперяясь в друга».¹⁵

Если взглянуть на многосмысленную и многомерную проблему «отец-сын» с точки зрения, на которой стоял сам Андрей Белый с 1912 года, то можно было бы сказать, что такие остро конфликтные и безнадежно запутанные отношения между двумя выдающимися личностями коренятся в далеком прошлом: в кармических узлах, завязанных в предшествующих инкарнациях. Намек на возможность такой интерпретации семейного конфликта дан уже в романе «Петербург», в котором загадочные столкновения между Аполлоном Аполлоновичем Аблеуховым и его сы-

¹³ Надо принять во внимание и неизбежные деформации, привносимые в любое жизнеописание самым объективным биографом: «Уже сама мысль, направляя свой луч на историю жизни человека, неизбежно ее искажает» (*Набоков В. Пушкин, или Правда и правдоподобие // Набоков В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. СПб., 2004. Т. 1. С. 542*).

¹⁴ *Белый А. На рубеже двух столетий. С. 51.*

¹⁵ Там же.

ном объясняются закономерным (кармическим) следствием их прошлых жизней. Это делает понятным определение «Петербурга» самим Андреем Белым как «драмы кармы». ¹⁶

В одной из прошлых жизней, катастрофические последствия которой отразились на судьбе героев романа, «Аполлон Аполлонович, богдыхан, повелел Николаю Аполлоновичу перерезать многие тысячи (что и было исполнено)». ¹⁷ В следующей инкарнации будущий философ-неокантианец «прискакал <...> на своем степном скакуне» на Русь вместе с «тысячами тамерлановых всадников». ¹⁸ Если принять данное сообщение буквально, то эта инкарнация падает на вторую половину XIV столетия. Само по себе вторжение Тамерлана в пределы Рязанского княжества и последующее, быстро свернутое наступление в направлении Москвы в 1395 году носило для великого эмира второстепенный характер, так как его непосредственной целью было не покорение Руси, а преследование войск золотоордынского хана Тохтамыша, причинившего древнерусским княжествам несравненно больший ущерб, чем Тамерлан. Поскольку Андрей Белый, при всей его огромной эрудиции, довольно свободно обращался с историческими, географическими и топографическими понятиями, можно было бы предположить, что в данном случае он, скорее всего, имел в виду участие Николая Аполлоновича не столько в завоевательных походах Тамерлана, сколько в золотоордынских набегах, имевших разрушительные последствия для древнерусской государственности и культуры. Хотя одновременная инкарнация Аполлона Аполлоновича в тексте не упомянута, нетрудно представить, что и в данном случае он выступил в качестве инспиратора завоевательных походов своего сына.

Во всех этих вариантах важны не детали образов и их историческая достоверность, а суть стоящего за ними метафизического конфликта двух индивидуальностей, а также их общей миссии, выполняемой ими в ряду многих инкарнаций. Если выстроенный в исторической конкретике ряд реинкарнаций отца и сына можно считать порождением фантазии гениального романиста, то нельзя усомниться в том, что сам Андрей Белый переживал свой трагический конфликт с отцом как результат каких-то предшествовавших инкарнаций и считал его совершенно необъяснимым только в рамках их совместной жизни в профессорской квартирке на Арбате.

Не подлежит также сомнению, что поиск совместного прошлого шел в «китайском» направлении и доходил вплоть до мифической Атланти-

¹⁶ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 305.

¹⁷ Белый А. Петербург. М., 1981. С. 238.

¹⁸ Там же.

ды, поскольку именно в Китае Андрей Белый усматривал архаические следы исчезнувшей пракультуры. Профессор Бугаев нередко вызывал у сына ассоциации с восточными образами, как бы выступающими через покров его личности. Об этом говорит само название повести «Крещеный китаец», прототипом главного героя которой является Николай Васильевич Бугаев.¹⁹ Если в «Петербурге» отца и сына объединяет «туранская» миссия разрушения европейской системы ценностей на протяжении целого ряда инкарнаций, то в «Крещеном китаец» Н. В. Бугаев (под именем профессора Летаева) выполняет миссию с обратным знаком: христианизации ценностей восточных культур.

В романе «Петербург» охваченный бредом Николай Аполлонович беседует с отцом, явившимся ему под видом старинного туранца. В его «благоуханной, как первая лилия, желтоватой руке было лишь восточное блюдо с пахнущей кучечкой, сложенной из китайских розовых яблочек: райских».²⁰ В ходе беседы сын уясняет характер миссии, врученной ему отцом еще в древние времена: «до рождения ему врученная и великая миссия: миссия разрушителя».²¹ Николай Аблеухов проваливает свою миссию, задание остается невыполненным. Ему открывается: «Старый туранец, некогда наставлявший его всем правилам мудрости, был Аполлон Аполлонович; вот на кого он, понявши превратно науку, поднимал свою руку».²² Мотив отцеубийства принимает космическое измерение и коренится в глубинах времени.²³ Бросить бомбу в отца означа-

¹⁹ «Крещеный китаец» был задуман Андреем Белым как первая глава первого тома «Эпопеи». Замысел остался неосуществленным, и повесть, вначале появившаяся в альманахе «Записки мечтателей» (1921) под заглавием «Преступление Николая Летаева. («Эпопея» — том первый). Крещеный китаец. Глава первая», впоследствии издавалась уже как самостоятельное произведение. Как и в ряде других случаев, Андрей Белый отрицал прямое тождество героя повести своему отцу, тем не менее, оно не подлежит сомнению. Такое отрицание может рассматриваться как литературный прием, неоднократно использовавшийся писателем и в других его произведениях.

²⁰ *Белый А.* Петербург. С. 236.

²¹ Там же. С. 237.

²² Там же. С. 238.

²³ «Едва ли простой случайностью можно объяснить, что три шедевра мировой литературы всех времен трактуют одну и ту же тему — тему отцеубийства: “Царь Эдип” Софокла, “Гамлет” Шекспира и “Братья Карамазовы” Достоевского» (*Фрейд З.* Достоевский и отцеубийство // *Фрейд З.* «Я» и «Оно»: Труды разных лет. Тбилиси, 1991. Кн. 2. С. 420). В этот ряд вполне вписывается и роман «Петербург».

ло: «бросить бомбу в самое быстротекущее время. Но отец был — Сатурн, круг времени повернулся, замкнулся; сатурново царство вернулось».²⁴ Под Сатурном в данном случае подразумевается не планета нынешней Солнечной системы, а начальная фаза космических перевоплощений Земли, как она охарактеризована в «Очерке тайноведения» Рудольфа Штейнера.

Николай Аполлонович, анамнестически пробегая по ряду своих прошлых инкарнаций, доходит до их вневременного предела. Ему открывается прадревний исток конфликта двух родственных душ, поскольку неким метафизическим актом его существо было «сброшено в безмерность»²⁵ Сатурном («отцом») и обречено на мучительные перевоплощения вечного ядра своей личности. Мифологизирование образа отца в романе «Петербург», когда петербургский сенатор оказывается скрытой проекцией Сатурна (Крона), — («Но отец был Сатурн»),²⁶ — навеяно не только «Очерком тайноведения», в котором планета представляла тепловым образованием, но и восходит к переживаниям раннего детства Андрея Белого. В младенчестве будущему писателю его отец представлялся «огнеротым каким-то —

— краснокудрые пламена, огнерод, вылетают из уст; бородатый крылатый летает на ясных размахах».²⁷ Последующее знакомство с античной мифологией позволило мальчику идентифицировать «огнеротого» отца с Гефестом: «и свое понимание папы определил: он — Гефест»,²⁸ бог огня и всей огненной стихии. В древнеримской мифологии Гефест именовался Вулканом. В антропософской космологии последняя фаза эволюции Земли также обозначена этим именем. В таком случае конец смыкается с началом, Вулкан с Сатурном, а «сын» возвращается к «отцу».

В повести «Крещеный китаец» происходит радикальная перестановка акцентов и выход из мифологического измерения. Профессор Летаев (Н. В. Бугаев) — уже не перевоплощение жестокого богдыхана, хладно-

²⁴ Белый А. Петербург. С. 238.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Подробнее о многомерной интерпретации образа Сатурна в романе Андрея Белого см. примеч. 34 к Пятой главе «Петербурга» в: *Грешикин С. С., Долгополов Л. К., Лавров А. В. Примечания // Белый А. Петербург. С. 670–671; см. также: Штайнер Р. Очерк тайноведения. М., 2000. С. 116–129.*

²⁷ Белый А. Котик Летаев // Белый А. Собрание сочинений. Т. 6: Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака. С. 48.

²⁸ Там же.

кровно приказывающего сыну перерезать тысячи невинных людей. Теперь он — бессознательный носитель древнекитайской мудрости, но уже христианизированный и открывающий сыну духовный доступ в мир Библии. Судя по воспоминаниям Андрея Белого, он уже пятилетним «проходил с отцом события Заветов»²⁹ и тайком от матери выучил «Отче наш». Толкования, данные Ветхому и Новому Заветам профессором Бугаевым, носили своеобразный отпечаток его собственного научного мировоззрения: «Что же касается Бога, то — Бог, так сказать, есть источник эволюционного совершенства; в чем это абстрактное и туманное совершенство, мне не было ясно», — вспоминал Андрей Белый о библейских уроках, полученных им в пятилетнем возрасте.³⁰ Однако в «Крещеном китайце» он раскрывает более мистический аспект отцовских наставлений, глубоко подействовавших на сознание ребенка.

Рассказ о заключении Завета на Синае Котик Летаев — в духе присущего ему в детстве игрового мифологизирования — спроецировал на события собственной жизни: он пошел на риск заключения своего Завета с отцом вопреки материнским запретам. Разбираясь впоследствии в своих детских переживаниях, Андрей Белый выстроил ряд инкарнаций «крещеного китайца», резко отличающийся от жизней «старого туранца», обрисованных в романе «Петербург». «В веках переряжен он (Н. В. Бугаев. — В. И.) многое множество раз»: ³¹энтелехия отца прошла через инкарнацию в эпоху библейских патриархов, затем в эпоху древнегреческой классики; в XVI веке она явилась инкогнито «заплатанным странником», ³²чтобы, наконец, принять облик профессора математики Московского университета.

Можно сказать, что два этих ряда инкарнаций относятся друг ко другу как позитив к негативу. Сенатор Аблеухов — носитель рокового, разрушительного начала, профессор Летаев — заступник и защитник в библейском стиле. При всей внешней взаимоисключительности оба ряда коренятся в реальных переживаниях отцовского начала в раннем детстве и только впоследствии были встроены писателем-символистом в конкретные исторические периоды. В первом случае они связаны с душевными состояниями, родственными образам древних мифов. Во втором — обусловлены ранним знакомством с библейской историей. «Эти образы мне подавались отцом как аллегории понятий, а мною воспринимались

²⁹ Белый А. На рубеже двух столетий. С. 189.

³⁰ Там же. С. 190—191.

³¹ Белый А. Крещеный китаец // Белый А. Собрание сочинений. Т. 6: Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака. С. 266.

³² Там же.

в ритмах музыкальной эстетики», — писал Андрей Белый в своих мемуарах.³³

Тяжелые сцены семейных скандалов глубоко травмировали душу ребенка, и многое в душевной жизни писателя может быть объяснимо последствиями таких переживаний. И всё же, в конце повести снова выступает лик просветленного древнекитайского мудреца, на этот раз — открывающего ребенку сокровища библейской мудрости. Вновь возникает мотив ароматных яблок, вызывающих ассоциации с райским состоянием первых людей: «И из Небесной империи веет в окошко лазоревым воздухом».³⁴

Помимо вышеотмеченных перевоплощений, образ отца напоминал Андрею Белому еще и «китайского мудреца, одолевшего мудрость И-Кинга».³⁵ Он «казался китайским подвижником, обретающим “Середину и Постоянство” Конфуция».³⁶ «Старый китаец» сумел внести в косный «профессорский круг девяностых годов» XIX века «философию “Тао” и Лао-Дзы».³⁷ Общим с «китайским» образом в «Петербурге» остается лишь символ ароматных «яблочек». Профессор Летаев, как и «старый туранец», окружен атмосферой, пронизанной яблочными ароматами, «распространяя тончайшие запахи чая и спелых антоновок».³⁸ В воспоминаниях детства Н. В. Бугаев предстает новым Конфуцием: «конфуцианская мудрость его наполняла».³⁹ Но, несмотря на общий благостный тон повести, в ней прорываются и иные, более драматические ноты. Постоянные конфликты с женой, травившей его мелочными придирками и попреками, пробуждали в «конфуцианце» грозного «самурая». Он предстал в такие минуты с лицом, «разлагаемым черной морщиной, щербимой китайской тушью, и оттеняющей мертвек неживого лица с разорванным ртом до ушей, и с прищуром раскосых глазенок, окрашенных суриком, — напоминающим маску лица самурая, взмахнувшего саблей».⁴⁰

³³ Белый А. На рубеже двух столетий. С. 191.

³⁴ Белый А. Крещеный китаец. С. 271.

³⁵ Имеется в виду древнекитайская «Книга перемен» («И цзин»); см.: И цзин (Книга перемен) / Пер. с китайского А. Лукьянова, Ю. Шуцкого. СПб., 2007.

³⁶ Белый А. Крещеный китаец. С. 216.

³⁷ Там же. С. 197.

³⁸ Там же. С. 166.

³⁹ Там же. С. 167.

⁴⁰ Там же. С. 235.

Порой для Андрея Белого, осмыслявшего свои анамнестические переживания в детстве, за образом отца возникал дикий скиф.

В ходе дальнейшего переосмысления образа отца Андрей Белый пришел к новой постановке проблемы кармы. Она сводится к стремлению понять человеческую судьбу как результат поступков, совершенных в прошлых инкарнациях,⁴¹ но одновременно дает и возможность ее просветления в свободном стремлении к духовной жизни. Главный герой романа «Москва», профессор-математик Коробкин, являет собой завершающую фазу в истории сублимации Андреем Белым своих детских воспоминаний, вплоть до окончательного примирения с отцом, который в романе предстает как самопожертвованный нового типа.⁴² Судьба Коробкина — это история совлечения высшего Я (Самодуха) с астрала: так «начинало вывариваться из большой знаменитости (абстракции “Я”) и из добрейшего пса (астрала) — человек».⁴³ Профессор Коробкин выполняет то, что не успел до конца осуществить в своей жизни профессор Бугаев: «Он решил понести и *избыть карму*, не отстраняя ее, а переплавляя “пса” в себе в будущего “ангела”».⁴⁴ Здесь происходит замыкание круга проекций: судьба отца становится идентичной судьбе сына.⁴⁵ В образе профессора Коробкина уже сплавляются особенности личностей и того, и другого в моменте изживания *кармы*. Проблема преодоления собственной астральности, психической оболочки, своими страстями препятствующей

⁴¹ Начиная с 1912 года Андрей Белый пользовался понятием кармы в том смысле, который придавал ему Рудольф Штейнер для определения «закономерной связи прежнего бытия с последующим» (*Штайнер Р.* Очерк тайноведения. С. 89).

⁴² С психоаналитической точки зрения можно было бы сказать, что отец становится «Сверх-Я» сына. Фрейд писал: «В конце концов отождествление с отцом завоевывает в нашем “Я” постоянное место. Это отождествление воспринимается нашим “Я”, но представляет собой в нем особую инстанцию, противостоящую остальному содержанию нашего “Я”. Мы называем тогда эту инстанцию нашим “Сверх-Я”» (*Фрейд З.* Достоевский и отцеубийство. С. 416; *Ljunggren M.* The Dream of Rebirth: A Study of Andrej Belyj’s Novel *Peterburg*. Stockholm, 1982. P. 16; см. там же: P. 135, note 24).

⁴³ *Андрей Белый и Иванов-Разумник.* Переписка. С. 382.

⁴⁴ Там же. С. 383.

⁴⁵ Феномен *идентификации с отцом* хорошо известен в психоанализе. «Отношение мальчика к отцу <...> амбивалентно. Помимо ненависти <...> существует обычно некоторая доля нежности к нему. Оба отношения сливаются в идентификацию с отцом...» (*Фрейд З.* Достоевский и отцеубийство. С. 414). Несомненно, что с годами в воспоминаниях Андрея Белого усиленно подчеркивается элемент *нежности*, компенсирующей изначальное чувство вины перед отцом.

щей проявлению «высшего Я» в эмпирической личности, была одной из основных в мировоззрении Андрея Белого. На этом пути профессор Н. В. Бугаев приобретает черты трансцендентального архетипа, или, пользуясь терминологией Юнга, «мудрого старца».

Проекционный характер образа отца в творчестве Андрея Белого бросается в глаза, но не является в данном случае чем-то исключительным. Он только более рельефно и красочно демонстрирует особенность человеческой души, переносщей на родителей собственные проблемы и конфликты. Всякий раз, отмечал Юнг, когда человек «либо критикует, либо превозносит своего отца, он бессознательно метит в самого себя».⁴⁶ Согласно швейцарскому психологу, сын, выносящий суждение об отце, как правило, пренебрегает тем фактом, «что его представление о человеке состоит, во-первых, из полученной им, по всей вероятности, весьма неполной картины облика реального лица и, во-вторых, из проделанных им самим субъективных модификаций этой картины».⁴⁷ Тем не менее, проблемой проекций не исчерпывается характеристика отца в творчестве Андрея Белого. Несравнимо более важными являются его усилия путем медитативного трансцендирования за границы эмпирического сознания отыскать причины семейной драмы Бугаевых в прошлых инкарнациях, что тесно связано с несомненным для писателя-символиста опытом переживания вечного ядра человеческой личности, являющего себя в различных «ролях» и культурно-исторических контекстах.

2. Без вины виноватый?

Профессор Н. В. Бугаев (1837—1903) был выдающимся математиком, обогатившим отечественную науку разработкой основ аритмологии. К сожалению, менее известен он как оригинальный мыслитель, создавший собственную концепцию *эволюционной монадологии*.⁴⁸ Его жизнь, бедная внешними событиями, заслуживает, тем не менее, самостоятельного исследования. В рамках биографии Андрея Белого на первый план выходит иная задача: показать Н. В. Бугаева прежде всего в роли *отца*,

⁴⁶ Юнг К. Г. Эон. М., 2009. С. 35.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ См.: Бугаев Н. В. 1) Основные начала эволюционной монадологии // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 17. С. 26—44; 2) Математика и научно-философское мирозерцание // Математический сборник: журнал. М., 1905. Т. 25, № 2. С. 349—369. О философских взглядах Н. В. Бугаева см.: Лосский Н. История русской философии. М., 1991. С. 186—187; Зеньковский В. История русской философии. М., 2001. С. 654—655.

увиденного глазами сына, способного к анамнестическим переживаниям, истолкованным как прогляды в прошлые инкарнации. Одной из важных особенностей душевной жизни писателя было чувство иррациональной вины перед родителями, равно как и их вины перед ним. Признавая своих родителей «по существу прекрасными людьми», он в то же время чувствовал себя «рабом прихотей (со стороны матери. — В. И.) и отвлеченных абстракций (со стороны отца. — В. И.), делавших эксперименты над живой моей жизнью».⁴⁹ Уже в раннем детстве у Андрея Белого возникал мучительный и безответный вопрос: за какую вину он должен быть жертвой постоянных распрей своих родителей? За какую вину он попал в земной мир, чуждый ему не только в бытовых проявлениях, но и в глубинной сути?

Не менее интенсивно будущий писатель ощущал и свою вину перед родителями. Еще ребенком Андрей Белый чувствовал себя виновным в нервном заболевании своей матери, Александры Дмитриевны. «И мне, — писал он, — нить преступленья ясна: эти нервы — последствия трудных родов; беззаконие я учинил перед мамой, явившись пред нею; и после вселил я раздор между нею и папой».⁵⁰ Сознание своего «преступления» позволяло Андрею Белому с кротостью переносить побои, учиняемые ему матерью и зачастую не лишённые садистического оттенка, и даже молиться за свою мучительницу. Значительно сложнее обстояло дело в отношении к отцу.

Менее всего эту вину перед отцом следует истолковывать в духе фрейдизма с его учением об «эдиповом комплексе».⁵¹ Если некоторые моменты в биографии Андрея Белого и могли бы стать предметом психоаналитического рассмотрения,⁵² — в частности, проблема амбивалентности в отношении к собственному отцу,⁵³ — то, будучи выдвинутыми на первый

⁴⁹ Белый А. На рубеже двух столетий. С. 219.

⁵⁰ Белый А. Крещеный китаец. С. 245.

⁵¹ Открытие «эдипова комплекса» Фрейдом являлось результатом его многочисленных наблюдений, показавших, что «родители играют преобладающую роль в детской душевной жизни всех позднейших психоневротиков; любовь к одному из них и ненависть к другому образуют неизменную составную часть психического материала, образованного в то время и чрезвычайно важного для симптоматики последующего невроза» (Фрейд З. Толкование сновидений. М., 2011. С. 258—259).

⁵² Долгополов Л. Андрей Белый и его роман «Петербург». Л., 1988. С. 69—71.

⁵³ Отца, согласно Фрейду, «не меньше боятся, чем о нем тоскуют и им восхищаются» (Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Фрейд З. Тотем и табу: Сб. М., 1998. С. 369). Эта амбивалентность характеризует не только Андрея

план, они существенно искажают представление о «пропорциях», характеризующих внутреннюю жизнь писателя-символиста. Однако было бы неправомерным и желание полностью игнорировать их, поскольку одной из сложных проблем в этом отношении является тема *отцеубийства*, без сомнения, тревожившая автора «Петербурга». В воспоминаниях Ирины Одоевцевой имеется — хотя и не бесспорное в своей вербальной достоверности — место, способное подтвердить фрейдовскую гипотезу. Рассказывая Одоевцевой о своем детстве, Андрей Белый будто бы сделал признание в своей вине перед отцом: «Я был замкнут в круг семейной драмы. Я любил и ненавидел... Я с детства потенциальный отцеубийца. Да, да! Отцеубийца. Комплекс Эдипа, извращенный любовью».⁵⁴

В отличие от однозначности отношения фрейдовского невротика к родителям (эротически окрашенная любовь к матери и ненависть к отцу), у Андрея Белого, по его собственному свидетельству, оба психических элемента — любовь и ненависть — пребывали в состоянии запутанной экзистенциальной диалектики, разыгрывавшейся в иррациональных глубинах подсознания и бросавшей свои проекции на творческие замыслы писателя. Однако одностороннее применение методов психоанализа при рассмотрении произведений искусства только помрачает существо дела. Юнг призывал исследователей оставить фрейдистские приемы в эстетике, поскольку смысл творчества «заключается в том, что ему удается освободиться от узости и тупиков личного, оставив далеко за собой всё преходящее и удушливое из сферы узколичных переживаний».⁵⁵

При анализе творчества Андрея Белого, согласно проницательно-пристрастному мнению Владислава Ходасевича, всегда имеется соблазн рассматривать его романы как звенья в цепи «романов-вариантов, объединенных темой “потенциального отцеубийства”».⁵⁶ Ходасевич отметил тот факт, что романы Андрея Белого, начиная от «Петербурга» и кончая «Москвой», представляют собой «фрагментные вариации одной темы,

Белого: «признаки этой амбивалентности отношения к отцу запечатлены во всех религиях» (Там же). Поэтому представляется неоправданным чрезмерно акцентировать «эдиповские» мотивы при истолковании творчества Андрея Белого.

⁵⁴ Одоевцева И. Из книги «На берегах Невы» // Воспоминания об Андрее Белом / Сост. и вступ. статья В. М. Пискунова. М., 1995. С. 221.

⁵⁵ Юнг К. Г. Об отношении психоаналитической психологии к произведениям художественной литературы // Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М., 2007. С. 31.

⁵⁶ Ходасевич В. [Рец. на кн.:] Андрей Белый. Крещеный китаец // Андрей Белый: Pro et contra. С. 753.

единой в своей глубокой сущности фабулы». ⁵⁷ «Все основные семейные ситуации у Аблоуховых, Летаевых и Коробкиных почти тождественны, за вычетом частных, не играющих существенной роли». ⁵⁸ В результате Ходасевич сделал вывод о том, что в основе всей фабулы лежит мотив *преступления сына*: «Само преступление, по замыслу автора, имеет, можно сказать, физиологическую основу». ⁵⁹

В отличие от Ходасевича, Федор Степун, признавая, что в душе Белого жила «жутко мучительная тема бунта против любимого отца, обострявшаяся в нем временами до идеи посягательства на его жизнь», в то же время считал неправомерным полагать эту тему «во главу угла всего творчества» писателя-символиста. ⁶⁰ «Я думаю, — подчеркивал Степун, — что исторический подход к творчеству Белого существенней психологического и в особенности психоаналитического». ⁶¹ Многие в биографии творца «Петербурга» следует обойти целомудренным молчанием, хотя неизбежно приходится отметить ряд травмирующих обстоятельств, предопределивших особенности душевной структуры Андрея Белого в той степени, в какой они отразились в его творчестве. «Высшее Я» писателя осталось незатронутым этими конфликтами, но его психика претерпела немалые деформации из-за травм, полученных в родительском доме.

При всем желании не входить в интимные детали биографии Андрея Белого и обоснованном стремлении сосредоточиться на метафизическом аспекте его жизни и творчества, нельзя не отметить беспрецедентную в русской литературе фиксированность писателя на образе своего отца. «Его влияние огромно: в согласиях, в не согласиях, в резких мировоззрительных схватках и в жесте таимой, горячей любви он *пронизывал меня действительно* (курсив мой. — В. И.); совпадение во взглядах и даже полемике с ним определяли круг моих интересов; с ним я считался — в детстве, отрочестве, юности, зрелым мужем». ⁶²

В то же время эта связь отнюдь не определялась лишь *узами крови*, напротив, зависимость от наследственности вызвала в Андрее Белом чувство отвращения и позора, переносимого им на своего отца как ви-

⁵⁷ Ходасевич В. Аблоуховы — Летаевы — Коробкины // Андрей Белый: Pro et contra. С. 735.

⁵⁸ Там же. С. 739.

⁵⁹ Там же. С. 745.

⁶⁰ См.: Степун Ф. Памяти Андрея Белого // Андрей Белый: Pro et contra. С. 901.

⁶¹ Там же.

⁶² Белый А. На рубеже двух столетий. С. 49.

новника рождения сына. Учение о «естественном» происхождении человека, возникающего в акте совокупления родителей, превращает его в чисто природное существо, заведомо лишенное духовного начала. С этой точки зрения для Андрея Белого, как и для героя его романа «Петербург» Николая Аблеухова, «всё, что ни есть на свете живого, — “отродье”, что людей-то и нет, потому что они — “п о р о ж д е н и я”». ⁶³ Этим объясняется и мотив отцеубийства, положенный в основу «Петербурга»: «Коленька плакал; свой позор порождения перенес он и на виновника своего позора: на отца». ⁶⁴

Чувство вины без вины и преступления без преступления, тяготившее роковым образом Андрея Белого, сопровождало его на протяжении всей жизни и временами приобретало форму настоящей мании преследования. Он постоянно опасался обвинения в порочных и злодейских поступках, представляя, например, что его могут заподозрить в «насилии над малолетней девочкой», совершенном сатанистом. ⁶⁵ Даже свое духовное пробуждение в отрочестве Андрей Белый воспринимал как вину перед родителями. С другой стороны, хотя он мучительно переживал позор «естественного» зачатия, писатель обладал, в то же время, сознанием существования «нерожденного» ядра человеческой личности, доведенного им до полной ясности благодаря своим анамнестическим медитациям. Родственные связи его не интересовали, и он никогда, в отличие от Флоренского, не входил в детальные генеалогические изыскания. Подобно Бердяеву, Андрей Белый мог бы сказать: «Нелюбовь ко всему родовому — характерное мое свойство». ⁶⁶ Его занимала лишь проблема духовного родства. В своем отце он стремился открыть извечно знакомый лик *старинного друга и спутника*, сопровождавшего его на протяжении многих инкарнаций. Понятие *друга* в словоупотреблении Андрея Белого имело примечательный смысловой нюанс, выражающий чувство связи за границами рождения и смерти. Так, в стихотворении, посвященном Вячеславу Иванову, подчеркнута:

Ты мне давно, давно знаком —
(знаком, быть может, до рожденья). ⁶⁷

⁶³ Белый А. Петербург. С. 331.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Белый А. Записки чудака. С. 291.

⁶⁶ Бердяев Н. Самопознание. С. 258.

⁶⁷ Белый А. Стихотворения. М., 1988 (репр. изд. 1923). С. 196.

Именно в этом смысле и отец являлся ему *другом и везным спутником*:

Какою-то неодолимой силой
 Меня к тебе приковывает, друг!⁶⁸

Такая стародавняя дружба, коренящаяся в Вечности, нередко способна отбрасывать свою тень и переходить в чувство вражды и ненависти. Вечный друг таким образом неожиданно оказывается вечным врагом. Уже в романе «Петербург» эта тема нашла свое гротескно-трагическое воплощение. Оба Аблоуховы — отец и сын — связаны узами дружбы-вражды. Окружающий мир кажется им сплошной *невнятицей*, безнадежно запутывающей их семейные отношения. Однако за ней скрывается действие *кармы*, которая, по убеждению автора «Петербурга», плетется именно из иррациональных моментов.⁶⁹ Экзистенциальная диалектика «дружбы-вражды» характеризует и отношение Андрея Белого к Александру Блоку.⁷⁰ И в этом случае очевидна вся недостаточность и поверхностность усилий объяснить их «дружбу-вражду» только сцеплением внешних обстоятельств, замкнутых рамками одной жизни. Кармические проблемы с еще большей ясностью выступают в конфликте с Эмилием Метнером,⁷¹ которого Андрей Белый называл «старинным другом», возвратив-

⁶⁸ *Белый А.* Стихотворения. С. 38. Ср.: «Когда мы чувствуем близость с человеком, которого видим впервые, тогда действует память, наш дух узнает *друга прежних веков* (курсив мой. — В. И.)» (*Безант А.* Загадки жизни и как теософия отвечает на них // *Безант А.* Эзотерическое христианство. М., 2001. С. 26). Примером такого *узнавания* может служить отношение князя Мышкина к Настасье Филипповне в романе Достоевского «Идиот». На пути подобных иррациональных *узнаваний* возможны иллюзии и ошибки, о которых предупреждал Н. Бердяев: «Воспоминание о предыдущих перевоплощениях существует как экзистенциальный опыт, но оно смутно и затемнено смешением разных планов, которые не могут быть совершенно разделены или внедрены один в другой. Я могу чувствовать особенную связь с какой-нибудь из эпох прошлого и с какими-нибудь людьми прошлого, но этого не нужно понимать грубо эмпирически» (*Бердяев Н.* Истина и откровение. СПб., 1996. С. 140).

⁶⁹ «Вот из каких иррациональных моментов плетется *карма*», — писал Андрей Белый о своей жизни (*Андрей Белый и Иванов-Разумник.* Переписка. С. 526).

⁷⁰ См. очерк Вл. Орлова «История одной “дружбы-вражды”» (*Орлов Вл.* Пути и судьбы: Литературные очерки. М.; Л., 1963. С. 446—578).

⁷¹ Подробно о запутанных отношениях Андрея Белого и Эмилия Метнера см.: *Юнгрен М.* Русский Мефистофель: Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб., 2001.

шимся к нему «из мглы веков» («открылся ряд тысячелетий длинный»),⁷² чтобы затем с горечью признать: «Метнер стал — “враг”».⁷³

Преодоление невнятицы стало темой последнего романа Андрея Белого. Оно показано как духовный подвиг, совершенный профессором Коробкиным, в образе которого сливаются черты, присущие Н. В. Бугаеву и его сыну. В духе Карла Густава Юнга следовало бы сказать, что профессор Коробкин — в отличие от сенатора Аблеухова — с честью прошел процесс индивидуации, ведущий к соединению со своим «высшим Я» (Selbst). Он же совершается в перманентной борьбе с «невнятицей». В акте творческого познания иррациональное чувство вины обретает свое просветление и сменяется ясным сознанием законов, лежащих в основе «проекта» человеческой жизни, предопределяющего структуру экзистенциально значимых коммуникаций.

3. Труды и дни профессора математики

Краткое упоминание о детстве профессора Коробкина в романе «Москва» полностью совпадает с тем, что известно из биографий отца и деда Андрея Белого: «Иван Никанорыч Коробкин, вполне добросовестный доктор военный, при императоре Николае за что-то был сослан на дикий Кавказ; там родил себе сына — в фортеции, где защищали страну от чеченцев».⁷⁴ Почти без особых изменений этот пассаж был перенесен из романа в мемуары, написанные несколькими годами позднее:⁷⁵ отец профессора Бугаева был «военный доктор, сосланный Николаем Первым и, кажется, разжалованный; так попал из Москвы в Закавказье он, <...> первое детское воспоминание отца: гром орудий в крепостце, обложенной лезгинами».⁷⁶

В обоих случаях образ отца Коробкина (Н. В. Бугаева) дан слабым контуром. К дальнейшему углублению в собственную генеалогию у пи-

⁷² *Белый А.* Золото в лазури. М., 2004 (репр. изд. 1904). С. 138. Цикл стихов «Старинный друг» с посвящением Эмилию Метнеру был написан в июле 1903 г. и, таким образом, подтверждает факт реальности анамнестических переживаний Андрея Белого задолго до знакомства с Рудольфом Штейнером.

⁷³ *Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 101.

⁷⁴ *Белый А.* Московский чудак // *Белый А.* Москва. М., 1989. С. 23.

⁷⁵ «Московский чудак» был написан в 1925 г., а первый том мемуаров Андрей Белый создал в 1929 г.

⁷⁶ *Белый А.* На рубеже двух столетий. С. 55.

сателя не было ни малейшего интереса. Всё внимание сосредоточено на самой ситуации, обозначенной как *невнятица*.⁷⁷ «Младенческое впечатление Ивана — рев пушки, визг женщин: лезгины напали», — и далее следует, исполненный экзистенциально-символического смысла, вывод: «невнятица перепугала; испуг воплотился всей жизнью».⁷⁸ Знаменательно символичен образ *фортеции*, на которую постоянно совершаются нападения. Он полностью соответствует мироощущению Андрея Белого в раннем детстве. Все его воспоминания о том времени отмечены печалью такой же невнятицы, угрожавшей *фортеции* — символу целостности души «второго математика». Постоянные ссоры родителей, угроза их развода, переживавшегося ребенком как «конец мира»: всё это наполняло душу испугом, отзвуки которого были ощутимы до конца жизни писателя.

Дальнейший ход отцовской биографии Андрей Белый интерпретировал как перманентную борьбу с *невнятицей*. Герой романа «Москва» профессор Коробкин, подобно своему прототипу Н. В. Бугаеву, «боялся невнятиц: едва заподозрив в невнятице что бы то ни было, быстро бросался — рвать жало».⁷⁹ Переезд в Москву, учеба в гимназии, побои, переносимые от сверстников, и тяжелая нужда создавали впечатление «беспросветной жизни», из которой одаренный юноша выбился только благодаря твердой воле победить нагроможденные судьбой трудности.⁸⁰

Андрей Белый не сталкивался с подобными проблемами: ему не приходилось жить «в углу у повара» и давать уроки, чтобы заработать гроши на обед. Его жизненный уклад в детстве и юности был обусловлен материальным благополучием семьи, и, тем не менее, будущему писателю приходилось постоянно вести борьбу с невнятицей, угрожавшей разрушить его внутренний мир. Эта борьба со временем приняла жестокие формы оккультных преследований, подробно описанных в «Записках чудака». Зато, если профессор Н. В. Бугаев навсегда остался пленником своего бытового окружения, то его сын сумел радикально порвать с мерт-

⁷⁷ Однако *невнятица* может сыграть позитивную роль как элемент творческого процесса: в творчестве, отмечал Андрей Белый, «невнятица <...> есть организующий фактор; и автор <...> порою сознательно должен отказываться от понимания собственных образов до конца» (*Андрей Белый и Иванов-Разумник*. Переписка. С. 384).

⁷⁸ *Белый А.* Московский чудака. С. 23.

⁷⁹ Там же. С. 38.

⁸⁰ «Складывалась беспросветная жизнь; и понятно, что Ваня пришел к убеждению — невнятица жизни его побеждаема ясностью лишь доказуемых тезисов. Так вот наука российская обогатилась ученым» (Там же. С. 23).

вующей жизнью и стать на путь духовного возрождения, ведущий к инициации.

В отличие от страннической жизни Андрея Белого, биография его отца складывалась внешне благополучно, за исключением одного несколько авантюрного эпизода в молодости, когда после окончания университета Николай Бугаев решил круто изменить свою жизнь. По неясным мотивам он отказался остаться в Москве для подготовки к профессуре и захотел поступить на военную службу, перебрался для этого в Санкт-Петербург, был зачислен на службу в качестве унтер-офицера в гренадерский саперный батальон и одновременно принят в Николаевское инженерное училище. После сдачи соответствующих экзаменов ему присвоили звание инженер-прапорщика и предоставили возможность продолжить образование в Николаевской Инженерной Академии. Но военная карьера Н. В. Бугаева быстро закончилась, хотя, как заметил его ближайший ученик профессор Л. К. Лахтин, годы, проведенные в Петербурге, «оставили след в его характере. Николай Васильевич высоко ценил военную дисциплину, порядок и точность в исполнении работ».⁸¹

Поводом, заставившим прапорщика Бугаева оставить военную службу вместе с рядом других курсантов, считается протест против отчисления из Академии их сотоварища. Андрей Белый был мало осведомлен об этом, равно как и обо всем «военном» периоде в жизни своего отца. Он полагал, что прапорщик Бугаев был исключен «из-за какой-то разыгравшейся в академии истории (на почве политической)».⁸² Не упоминает писатель и о том, что через некоторое время после отчисления Н. В. Бугаев продолжал службу в саперном батальоне. Не отразился петербургский период и на — параллельной — биографии профессора Коробкина, хотя примечательным образом — в отличие от своего миролюбивого прототипа — «московский чудак», хотя и почти случайно, делает открытие, имеющее огромное значение для развития военной техники.

Вернувшись без помех в Москву, Н. В. Бугаев вновь предался чисто научной работе. В 1863 году он защитил магистерскую диссертацию на тему «Сходимость бесконечных рядов по их внешнему виду» и был направлен в заграничную командировку для подготовки к профессорскому званию. «Так он и выскочил в более сносную жизнь».⁸³ Сказанное в «Московском чуде» о благополучной научной карьере Коробкина — только парафраз фактов биографии Н. В. Бугаева. По возвращении из Франции молодой математик получил доцентуру в Московском универ-

⁸¹ Лавров А. В. Комментарии // Белый А. На рубеже двух столетий. С. 475.

⁸² Там же. С. 58.

⁸³ Белый А. Московский чудак. С. 38.

ситете. В 1866 году он защитил докторскую диссертацию, а в следующем году стал профессором. Через двадцать лет его избрали деканом физико-математического факультета Московского университета.

Несмотря на гладкий путь служебной и общественной карьеры, Н. В. Бугаев явно не вмещался в рамки своей социальной роли. Расщепление между внутренней жизнью и внешними формами, которая она принимала, приводило к чудачествам на грани юродства. «Тут “чудак” в нем скликался со мной», — отмечал Андрей Белый.⁸⁴ Странности в поведении профессора были источником многих анекдотов и даже негативных суждений о маститом декане. Наряду с преданными почитателями, высоко ценившими в Н. В. Бугаеве крупного математика, оригинального мыслителя и просто хорошего, доброго человека, было немало московских интеллектуалов, видевших в нем скучного оратора, педанта, упрямого и надоедливое спорщика. Гротескно-недоброжелательный образ отца своего друга оставил Сергей Соловьев.⁸⁵ Хотя он довольно точно описывает семейную драму Бугаевых, ряд деталей, им приводимых, возможно, объясняется ошибками памяти мемуариста или даже тенденциозностью в расстановке акцентов. В то же время некоторые подробности из жизни семьи Бугаевых, кажется, навеяны воспоминаниями не об отце, а о сыне и только спроецированы на декана физико-математического факультета. Так, Сергей Соловьев отмечает, что Н. В. Бугаев временами «впадал в какое-то мистическое исступление»: «Вдруг он начинал изучать Апокалипсис, приносил его за чайный стол и, впиваясь в страницу маленькими черными глазками и подняв палец, возглашал: — И ангелу Филадельфийской церкви напиши».⁸⁶ Если это действительно имело место, то сходство отца и сына становится еще более разительным, а сцена толкования Апокалипсиса кажется перенесенной из «Второй симфонии» Андрея Белого, питавшего особый интерес к Филадельфийской церкви (Ап. 3: 7–13) как прообразу будущей духовной культуры.

Более загадочным и малоправдоподобным представляется свидетельство мемуариста о том, что «квартира Бугаевых была насыщена духом Индии. Вся семья зачитывалась Блаватской».⁸⁷ Это само по себе мало вяжется как с эволюционной монадологией профессора Бугаева, так и со светским умонастроением его супруги. Возможно, однако, что речь идет только о книге Е. П. Блаватской «Из пещер и дебрей Индостана. Письма на родину». «Письма», представляющие собой ряд очерков о путешествии

⁸⁴ Белый А. На рубеже двух столетий. С. 54.

⁸⁵ Соловьев С. Воспоминания. М., 2003. С. 170–171.

⁸⁶ Там же. С. 170.

⁸⁷ Там же. С. 171.

в Индию, первоначально появились в 1880 году в «Русском вестнике» и были переизданы в 1883 году. Экзотический характер очерков имел успех, и ими «зачитывалась <...> вся образованная Россия». ⁸⁸ Сам Андрей Белый прочитал их осенью 1896 года. Книга Е. П. Блаватской, подписанная загадочным псевдонимом Радда-Бай, настроила подростка на «теософский» лад еще до знакомства с собственно теософской литературой. ⁸⁹

Многое в поведении «крещеного китайца» казалось непонятным и самому Андрею Белому. Только к концу жизни он сумел разобраться в нагромождении проблем, связанных с загадкой этой противоречивой жизни: «Сочетание редко сочетаемых свойств разрывало его (отца. — В. И.) в “чудака”; и тут — точка моего странного к нему приближения». ⁹⁰ В своей мемуарной трилогии Андрей Белый был склонен оправдывать эти многочисленные «чудачества», из-за которых ему при жизни отца приходилось терпеть немало страданий. Не говоря уже о травмирующих ребенка ссорах, приведших к почти полному отчуждению от родителей и даже ненависти к ним.

Не менее тяжелое воздействие на психику будущего писателя в его юношеские годы оказывали идейные разногласия с отцом. Их вкусы и пристрастия расходились радикально. Н. В. Бугаев терпеть не мог Шопенгауэра, считал Владимира Соловьева психически больным, «туманно пишущему» Канту предпочитал Спенсера и Джона Стюарта Милля. Сын же презирал позитивистов, медитировал над параграфами «Мира как воли и представления», относился к В. С. Соловьеву как к своему духовному учителю и стремился вникнуть в лабиринты «Критики чистого разума». Однако философские убеждения профессора Бугаева, хотя и сформировались под сильным влиянием позитивизма, тем не менее, базировались на смелых интуициях, близких к Лейбницу, и привели к созданию оригинальной концепции, по недостатку времени изложенной им в небольшой работе «Основные начала эволюционной монадологии», ⁹¹ которую Андрей Белый впоследствии интерпретировал в духе своего собственного мировоззрения.

Еще более значительными представлялись философско-математические идеи Н. В. Бугаева, пришедшего к признанию индетерминизма и принципа вероятности в науке. «Бугаев защищал умеренный индетерминизм; “В мире господствует не одна достоверность, — утверждал он, —

⁸⁸ Сенкевич А. Блаватская. М., 2010. С. 208.

⁸⁹ Белый А. На рубеже двух столетий. С. 337.

⁹⁰ Там же. С. 59.

⁹¹ Бугаев Н. В. Основные начала эволюционной монадологии // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 17. С. 26—44.

но в нем имеет силу также и вероятность”. Именно поэтому отец Андрея Белого, исходя из своих математических идей, защищал “свободу воли”». ⁹² Идея прерывности в применении к религиозной философии была впоследствии развита Павлом Флоренским, слушавшим лекции профессора в Московском университете и высоко их ценившим. ⁹³ Он усматривал в Н. В. Бугаеве предвозвестника грядущей переоценки ценностей: «Мы, видевшие зарю “нового искусства”, — писал Флоренский в 1903 году, — стоим на пороге и “новой науки”. И только, когда она будет создана, мы сможем достаточно оценить деятельность провидцев — Георга Кантора и Николая Бугаева». ⁹⁴

Независимо от Н. В. Бугаева и Флоренского развивал идею прерывности как основополагающую для понимания истории и Николай Бердяев. ⁹⁵ Прерывность в эволюционном процессе открывала возможность для действия в нем чисто духовных импульсов. «“Прерывные” функции, — писал В. Зеньковский, подчеркивая значение аритмологических интуиций Н. В. Бугаева, — отличны от всех реальных (или чисто математических) связей, где царит непрерывность и сплошность — и это должно быть поставлено в связь с тем, что “прерывность” имеет всегда место там, где появляется “индивидуальное” бытие, как таковое». ⁹⁶

К 1901 году острота мировоззренческого конфликта между отцом и сыном начала постепенно сглаживаться: наметилась возможность по-

⁹² Зеньковский В. История русской философии. М., 2001. С. 655.

⁹³ Наибольшее влияние на Павла Флоренского в его университетские годы профессор Бугаев оказал своими аритмологическими идеями, ведущими к признанию принципа индетерминизма и прерывности. Под этим влиянием Флоренский задумал «большую работу общеполитического характера “Прерывность как элемент мировоззрения”, синтезирующую философские и математические идеи» (*Игумен Андроник (А. С. Трубаев). Жизнь и судьба // Священник Павел Флоренский. Собр. соч.: В 4 т. М., 1994. Т. 1. С. 8*). Подробно вопрос о влиянии Н. В. Бугаева на мировоззрение Флоренского рассмотрен С. М. Половинкиным в статье «П. А. Флоренский: Логос против хаоса» (http://anthropology.rchgi.spb.ru/pdf/38_polov.pdf).

⁹⁴ Флоренский П. Об одной предпосылке мировоззрения // *Священник Павел Флоренский. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. С. 78*.

⁹⁵ «В истории, в которой господствует детерминизм, т. е. каузальные связи, приоткрывается и просвечивает иной план, в более глубоком слое действуют творческие субъекты, прорывается свобода» (*Бердяев Н. Очерки эсхатологической метафизики // Бердяев Н. Царство Духа и царство Кесаря / Сост. и послесл. П. В. Алексеевой; Подгот. текста и примеч. Р. К. Медведевой. М., 1995. С. 247*).

⁹⁶ Зеньковский В. История русской философии. С. 655.

нять друг друга. «В спорах обреталось сближение».⁹⁷ С годами Андрей Белый стал находить еще больше точек соприкосновения с философскими взглядами отца и после его кончины додумывал принципы «эволюционной монадологии», расширяя их в сторону духовной науки. Законченным выражением этой тенденции служит рассказ «Йог», написанный Андреем Белым в 1918 году. Антропософский подтекст этого произведения подробно раскрыт Моникой Спивак в ее книге «Андрей Белый — мистик и советский писатель».⁹⁸

Сложнее обстояло дело с художественными вкусами. Эстетические потребности профессора Бугаева были весьма скромны. В живописи он ценил второстепенного художника Риццони за то, что «его можно в лупу разглядывать».⁹⁹ Литературные вкусы отца приводили сына в ужас и негодование: «с пожимом плечей он читает Чехова, не принимает Горького, не понимает Фета; подчеркивает болезненность в Достоевском, негодует на дух отчаяния в Ибсене, хохочет над Метерлинком»,¹⁰⁰ не говоря уже о поэзии декадентов и символистов. Впоследствии, при всем расхождении вкусов, профессор Бугаев начал отзываться с симпатией о Брюсове и Эллисе, с удовольствием читал роман Мережковского «Юлиан Отступник».

Уже после кончины отца Андрею Белому начала всё больше и больше приоткрываться таинственная связь, существовавшая между ними, несмотря на тягостные воспоминания о детстве. Писатель прозревал за чужаковатой внешностью знаменитого профессора математики, спорщика и педанта его «высшее Я», с которым он стремился войти в духовное общение. Отразив в «Петербурге» мучительный конфликт отца и сына, коренившийся в глубоком прошлом, Белый всё же закончил роман примирительно: хотя отец и сын больше не видятся, но взаимно прощают друг друга. Аполлон Аполлонович Аبلухов умирает с мыслями о сыне, который от кантианства переходит в православие.

Размышляя в дальнейшем о своих отношениях с отцом, Андрей Белый всё больше ощущал трудно выразимое чувство мистической идентичности с ним. Биографическое сходство Коробкина с Н. В. Бугаевым кончается на описании жестокой пытки, которой профессор подвергся от руки негодяя Мандро, любой ценой желавшего получить военное от-

⁹⁷ *Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 23.

⁹⁸ См. гл. 5: «Иван Иванович Коробкин на путях посвящения: автобиографический подтекст и эзотерический опыт в рассказе “Йог”» (*Спивак М.* Андрей Белый — мистик и советский писатель. М., 2006. С. 189—208).

⁹⁹ *Белый А.* На рубеже двух столетий. С. 53.

¹⁰⁰ *Белый А.* Начало века. С. 20.

крытие, сделанное гениальным ученым. Страдания, испытанные Коробкиным, по свидетельству Андрея Белого, отражают собственное состояние писателя, подвергнутого еще более изощренной «незримой» пытке своими астрально-окультистскими преследователями. С этого момента происходит как бы мистическое слияние судеб отца и сына, вставших на путь духовного просветления.

4. Звездочка с болезнью чувствительных нервов

Совсем иначе складывались отношения Андрея Белого с его матерью Александрой Дмитриевной Бугаевой (в девичестве Егоровой) (1858—1922). Они носили более человечески простой, понятный и даже житейский характер. В отце писатель прозревал высокую духовную индивидуальность, только частично и остраненно проявившую себя в условиях скованного предрассудками профессорского быта конца XIX столетия. Он глубоко переживал внутреннюю муку Н. В. Бугаева, охваченного «органическим зудом, выраставшим из вечного сопоставления оригинальных и новых мыслей о мире и жизни с “бытиком”, мысли такие расплющивающим».¹⁰¹ Ничего подобного в воспоминаниях Андрея Белого о его матери мы не находим. Она предстает вполне земным существом, лишенным способности понять духовные индивидуальности ее мужа и сына. И всё же Андрей Белый (хотя и на ином уровне, чем с отцом) ощущал связь — не столько духовную, сколько душевную — со своей матерью.¹⁰² Образ ее напрямую почти не отразился в его творчестве и лишь временами появлялся в замаскированном до неузнаваемости виде.

Отдаленный намек на семейную драму Бугаевых, не имеющий силы констатации неоспоримого факта и не призванный бросить тень на репутацию матери Андрея Белого, присутствует в романах «Петербург» и «Москва», в которых мужья переживают — не без хладнокровия — измену своих жен. Ни Анна Петровна («Петербург»), ни Василиса Сергеевна («Москва») не имеют в своей внешности ничего общего с Александрой Дмитриевной Бугаевой, которая в молодости была общепризнанной московской красавицей. Анна Петровна, вернувшаяся в столицу после двухлетнего странствования с «итальянским артистом», обрисована как дама с двойным подбородком, из-под корсета ее «явственной вы-

¹⁰¹ Белый А. На рубеже двух столетий. С. 67.

¹⁰² С неопределенных позиций отношения Андрея Белого с его матерью подвергнуты анализу в книге: Спивак М. Андрей Белый — мистик и советский писатель. См. главу: «Мать, жена, сестра, дочь? Объект влечений Андрея Белого» (с. 290—316).

ступил округленный живот», прекрасными остались лишь «два лазурью наполненных глаза».¹⁰³ Василиса Сергеевна, изменяющая мужу с другом его детства профессором Задопятовым, охарактеризована в еще более непривлекательном виде: она — «сухая, изблеклая, точно питалась акридами», «и родинка волосом темным вилась над губой».¹⁰⁴ Неизменными остаются два мотива: бытовая травля мужа женой и факт тайной любовной связи. Сознательная затушевка малейшего сходства обеих «героинь» с А. Д. Бугаевой контрастирует с усиленным подчеркиванием сходства сенатора Аблеухова и профессора Коробкина с отцом писателя. У первого — сходство более в стиле поведения, любви к каламбурам и т. п.; Коробкин же и во внешности являет собой почти фотографически точную копию Н. В. Бугаева.

Более достоверным портретом матери Андрея Белого служит образ жены профессора Летаева в повестях «Котик Летаев» и «Крещеный китаец», хотя писатель, подчеркивая свое право на «вымысел», возражал против прямого отождествления изображенной им супружеской четы со своими родителями. Зато в качестве вполне надежного источника могут служить мемуары Белого, в которых он дал точную зарисовку облика и душевных особенностей своей матери. В обоих случаях Андрея Белого меньше всего интересовали генеалогические изыскания, и память писателя не простиралась далее его дедушек и бабушек. Примечательным образом он даже забыл девическую фамилию своей бабушки по материнской линии (в мемуарах: Журавлева; правильно: Желвунова).¹⁰⁵ Но, если биографию отца Андрей Белый был склонен интерпретировать в анамнестической перспективе, и даже внешне несущественные подробности приобретали для него символическое значение, выходящее за пределы чисто эмпирического набора фактов, то жизнь матери он описывал в психологическо-житейском измерении, подчеркивая лежащий в ее основе душевный надлом. Само материнское родословие интересовало его в той мере, в какой оно проясняло семейную драму Бугаевых и проливало туск-

¹⁰³ *Белый А.* Петербург. С. 390. Ко времени написания «Петербург» можно было бы заметить некоторое провоцирующее внешнее сходство между А. Д. Бугаевой и женой сенатора Аблеухова. Ходасевич описывает Бугаеву как «пожилую, располневшую женщину со следами несомненной красоты»; цит. по: *Малмстад Дж.* Ходасевич об Андрее Белом // Андрей Белый в изменяющемся мире: к 125-летию со дня рождения: Сб. / Сост. М. Л. Спивак и др. М., 2008. С. 161. В данной статье Дж. Малмстад опубликовал ранее неизвестный черновик «газетной редакции» воспоминаний Ходасевича.

¹⁰⁴ *Белый А.* Московский чудак. С. 32.

¹⁰⁵ *Лавров А. В.* Комментарии. С. 482.

лый свет на причины, побудившие его мать выйти замуж за нелюбимого человека.

Отец Александры Дмитриевны Д. Е. Егоров был незаконнорожденным сыном «богатого аристократа»,¹⁰⁶ по глухому преданию, чуть ли не из рода Рюриковичей. Узнав о своем происхождении, он покинул дом отчима и «сам стал себя воспитывать».¹⁰⁷ Вначале Егоров избрал для себя художественную карьеру: окончил театральное училище, пел в хоре Большого театра, но потом, как нередко говорят в таких случаях, взялся за ум и в сравнительно короткий срок нажил приличное состояние, торгуя мехами. В 1855 году он женился на Елизавете Федоровне Желвуновой, дочери вышедшего из купеческого в мещанское сословие московского торговца. В недавнее время М. Б. Шапошников на основании архивных материалов реконструировал генеалогическое древо Желвуновых¹⁰⁸ с целью «объяснить некоторые черты личности писателя генетическим опытом нескольких поколений его предков».¹⁰⁹ Никаких особых откровений эти изыскания не принесли. В результате выстроилась линия предков, мало что проясняющая в особенностях личности и творчества Андрея Белого. Иначе и быть не могло, поскольку биография писателя-символиста — свидетельство перманентной борьбы его духа с унаследованной от родителей психосоматической оболочкой и мучительных попыток осознать кармические причины своего воплощения в чуждой ему семье Бугаевых.

Как установил М. Б. Шапошников в результате своих генеалогических изысканий, род Желвуновых происходит из города Серпухова. В 1795 году купец 3-й гильдии Антон Павлович Желвунов перебрался в Москву, где и проживал в дальнейшем на ул. Полянка, занимаясь, по предположению исследователя, торговлей парусиновыми тканями,¹¹⁰ — деталь, мало что дающая для уяснения биографии Белого; интересно только мнение Шапошникова о принадлежности рода Желвуновых к старообрядчеству.¹¹¹ Не имеет смысла далее проследивать историю рода Желву-

¹⁰⁶ *Белый А.* На рубеже двух столетий. С. 100.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ *Шапошников М. Б.* К вопросу о происхождении Б. Н. Бугаева: материнская линия // Андрей Белый в изменяющемся мире: К 125-летию со дня рождения. С. 186–193.

¹⁰⁹ Там же. С. 186.

¹¹⁰ Там же. С. 187–188.

¹¹¹ Старообрядческая наследственность, согласно Шапошникову, сказывалась у Андрея Белого в «вечном богоискательстве», склонности «к раз-

новых. Нужно лишь кратко упомянуть о деде А. Д. Бугаевой Федоре Степановиче Желвунове, большом неудачнике, трижды женатом и мало преуспевшем в торговле, что повлекло его переход из купеческого в мещанское сословие. От третьего брака у Федора Желвунова в 1830-х годах родилась дочь Елизавета, вышедшая в 1855 году замуж за Д. Е. Егорова. Бабушка Андрея Белого отличалась замечательной красотой,¹¹² но «была <...> ниже и по уровню развития, и по интересам» своего супруга.¹¹³

Вначале семья жила в полном благоденствии. Коммерческие дела Егорова шли хорошо, и он, боготворивший свою старшую дочь, постарался дать ей блестящее образование. «Звездочка» — так звал Сашеньку Дмитрий Егорович — после окончания четвертого класса не пожелала учиться в гимназии. С того времени «началась эпоха домашних учительниц, которые, разумеется, Звездочку ничему не научили, кроме музыки, которую она любила».¹¹⁴ Этот факт имел для биографии Андрея Белого гораздо большее значение, чем купеческие корни его родословного древа по материнской линии. В самый тяжелый период его детства, омраченный скандалами в родительском доме, музыка стала его единственной целительницей. Произведения Бетховена, Шопена, Шумана, исполнявшиеся по вечерам Александрой Дмитриевной, уносили воображение мальчика из бытового бреда в светлый и гармонический мир, который он ощущал своей подлинной родиной. Музыка стала целебным средством, освобождавшим от бремени земного существования. Однако ребенок скрывал долгое время свою любовь к музыке и вызывал гнев матери своей искусно разыгранной «немузыкальностью».

Домашнее воспитание Александры имело, однако, и негативные стороны. «Звездочка» росла капризным, избалованным ребенком. Отец «разрешал ей всё, что ей ни взбредет в голову».¹¹⁵ Педагогический ре-

личного рода медитациям и состояниям транса», а также «сознанию избранности, уверенности в единственной правильности избранного духовного пути» (*Шапошников М. Б. К вопросу о происхождении Б. Н. Бугаева: материнская линия. С. 187*). Все перечисленные особенности старообрядческой психологии могут только с известной натяжкой быть применены для объяснения духовно-душевной структуры Андрея Белого. Коренное отличие писателя-символиста от старообрядчества заключается в его постоянном устремлении в будущее, его «аргонавтизме», искании Грааля. Ничто не было ему столь чуждо, как статическое хранение духовных традиций прошлого.

¹¹² *Шапошников М. Б. К вопросу о происхождении Б. Н. Бугаева: материнская линия. С. 190—191.*

¹¹³ *Белый А. На рубеже двух столетий. С. 100.*

¹¹⁴ Там же. С. 101.

¹¹⁵ Там же.

зультат такого отношения к дочери был плачевным: «Звездочка» превратилась в настоящего тирана в доме.¹¹⁶ Потребность в таком *тиранстве* особо проявилась позднее во время замужества. Главной жертвой *тирана* оказался ее собственный сын.

Благополучное детство Звездочки окончилось со смертью отца. Мать оказалась не в состоянии вести коммерческие дела и быстро разорилась. Началось время тяжелой и унижительной нищеты. Бедственное положение молодой девушки, в одночасье лишившейся привычного комфорта, имело и другие тяжелые последствия. Из-за наступившей нищеты не состоялся ее брак с сыном богатого фабриканта Абрикосова, которому родители запретили жениться на Звездочке. Девушка тяжело переживала разрыв отношений. Он оставил в ее душе глубокую травму, навсегда подорвавшую ее душевное здоровье. Впрочем, у Александры вновь появилось достаточно женихов, когда она стала выезжать на московские балы. С этого времени на городском небосклоне возшла звезда новой красавицы. Александра Дмитриевна, возможно не теряя надежды на брак с молодым Абрикосовым, отказывала всем новоявленным женихам, пока неожиданно не согласилась на предложение профессора Н. В. Бугаева.

Венчание состоялось 16 января 1880 года в Петропавловской церкви «при 4-м Гренадерском Несвижском полку». А уже осенью того же года в метрической книге Троицкой церкви на Арбате появилась запись: «В доме Рахманова октября 14 дня родился, а ноября 20 дня крещен Борис. Восприемниками при крещении были: статский советник Сергей Алексеев Усов и вдова действительного статского советника Мария Ивановна Лясковская. Таинство крещения совершил местный священник Владимир Марков с причетом».¹¹⁷ В дальнейшем все лица, упомянутые в этой метрической записи, сыграли определенную роль в жизни Бориса Бугаева, хотя — с православной точки зрения — выбор крестных родителей был более чем неудачным. Если признать, что крестные берут на себя обязательство помогать родителям в духовном воспитании ребенка, то ни профессор Усов, ни М. И. Лясковская для этого совершенно не годились. Но вряд ли мысль об этом приходила в голову всем присутствовавшим при таинстве крещения младенца Бориса.

Профессор С. А. Усов (1827—1886) был дружен с Н. В. Бугаевым, часто бывал в его доме и хорошо запомнился Андрею Белому: «На Усове сходятся мнения родителей; мать удивляется блеску его».¹¹⁸ Но этот

¹¹⁶ Белый А. На рубеже двух столетий. С. 101.

¹¹⁷ Цит. по: Тарумова Н. Т., Уланова А. В. Николай Васильевич Бугаев: Новые архивные материалы // Андрей Белый в изменяющемся мире. С. 202.

¹¹⁸ Белый А. На рубеже двух столетий. С. 115.

«блеск» имел мало общего с религией, хотя перед своей кончиной масти-тый ученый обратился к изучению древнерусского искусства. Усов более известен как один из первых последователей Дарвина в России. В 1865 году он выпустил свой перевод книги Ролле, посвященной популярному изложению основ дарвинизма.¹¹⁹ С. А. Усов «один из первых твердо во-друзил знамя Дарвина в Московском университете», — писал Андрей Белый в своих мемуарах.¹²⁰ Признавая большие научные заслуги профессора Усова и его огромное личное обаяние, следует сказать всё же, что дарвинизм мало пригоден для воспитания ребенка в православном духе, тем более, что Котик, внимая разговорам ученых гостей, и без того уже в раннем возрасте был достаточно наслышан о происхождении человека от обезьяны. К тому же профессор скончался довольно рано, когда Котику исполнилось всего шесть лет, поэтому о его осмысленном общении с крестным отцом не могло быть и речи.

Еще хуже обстояло дело с крестной матерью — Марией Ивановной Лясковской, вдовой профессора-химика Н. Э. Ляковского, дом которого многие годы был местом встречи московских либеральных профессоров. Для Андрея Белого М. И. Лясковская — символ косного быта, держащего в тисках знаменитых ученых. Она считалась хранительницей устоев «как у всех» и «разводила безжалостное лицемерье морали», при этом щеголяла своим поверхностным вольнодумством и «кокетничала нелюбовью к попам и дурному городовому, ее охранявшему».¹²¹ Если профессор Усов хотя бы вызывал симпатию своим добродушно-величественным видом, то Лясковская представлялась Боре Бугаеву монстриком с лягушачьими лапками. Не удивительно, что такая особа не могла и не хотела способствовать духовному воспитанию своего крестника. Ее образ в мемуарах Андрея Белого обрисован в гротескно-негативных тонах. Не мог забыть писатель и назойливого вмешательства Лясковской в семейную жизнь Бугаевых: своими бестактными расспросами она лишь растревляла душевные раны Александры Дмитриевны.

5. Неудавшийся синтез

Сокровенной целью средневековых алхимиков был синтез противоположностей. Символом герметической конъюнкции считалось сочетание мужского и женского начал. В жизни — помимо алхимии — посто-

¹¹⁹ Ролле Ф. Учение Дарвина «О происхождении видов» / Пер. с нем. С. А. Усова. М., 1865.

¹²⁰ Белый А. На рубеже двух столетий. С. 116.

¹²¹ Там же. С. 112.

янно совершается это «таинство», и не всегда с удачным результатом, примером чему может служить семья профессора Н. В. Бугаева. Ссоры с женой мало способствовали постижению глубин «эволюционной монадологии» деканом физико-математического факультета, а причины психосоматических недугов Александры Дмитриевны и вовсе не представляют интереса для историка русской культуры рубежа двух столетий как сугубо частное дело жены профессора Н. В. Бугаева. И всё же, биограф Андрея Белого со всей возможной осторожностью обязан коснуться этой приватной сферы — прежде всего потому, что описание семейной драмы стало темой многих произведений писателя и с полной откровенностью дано в его мемуарах.

До конца своих дней Андрею Белому занимал вопрос о том, какие кармические силы могли соединить столь противоположные индивидуальности — его отца и мать. С точки зрения самого писателя-символиста, признававшего реальность предсуществования и реинкарнации, дух воплощающегося человека — непостижимым для земного сознания образом — сам участвует в выборе своих родителей, поэтому его никогда не оставляло чувство собственной «вины», хотя и не в обычном смысле этого слова. Уже четырехлетним мальчиком он осознавал себя своего рода *целью*, прочно связавшей двух совершенно чуждых друг другу людей. «Я нес, — вспоминал Андрей Белый, — мучительный крест ужаса этих жизней, потому что ощущал: я — ужас этих жизней; кабы не я, — они, конечно, разъехались бы». ¹²² Ребенок «нес “вину”, в которой был неповинен». ¹²³

Как же рисовалась самому Андрею Белому история сближения его — столь противоположных по характеру — родителей? В чем усматривал он причину семейных конфликтов? И насколько это соответствует документально подтверждаемой действительности? В какой степени ребенок был «виноват», и в какой — стал невинной жертвой сложившейся еще до его рождения ситуации?

Историю «неравного» брака сорокалетнего профессора с девушкой из разорившейся семьи Андрей Белый выразил в гротескной формуле: «Мать вышла замуж за “уважение”; отец женился на “пропорциях”». ¹²⁴ Под «уважением» имелось в виду, что невеста оценила стремление профессора помочь ей выбраться из унижительной нищеты, признала в Н. В. Бугаеве доброго, сердечного и бескорыстного человека, с которым, после понятных колебаний, решила связать свою судьбу. Профессор,

¹²² Белый А. На рубеже двух столетий. С. 97.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же. С. 102.

в свою очередь, женился на «пропорциях», поскольку у него был довольно странный канон женской красоты, который выражался в идеально-геометрических пропорциях лица. Красота фигуры или прочие телесные качества и душевные особенности при этом во внимание не принимались. В такой перспективе сложности наступили только в связи с различными взглядами на проблему воспитания их единственного ребенка. Этот семейный конфликт имел, однако, еще более глубокие и загадочные корни. В мемуарах Андрея Белого они обойдены полным молчанием.

Только в последнее время было опубликовано несколько писем профессора Н. В. Бугаева, которые проливают свет на источник последующих конфликтов в его семье,¹²⁵ совершенно независимых от споров из-за воспитания сына. Легендарное увлечение «пропорциями», если оно и имело место вначале, быстро сменилось чувством *ненависти*,¹²⁶ вызванным поведением Александры Дмитриевны. Прочитав письмо профессора-жениха от 7 января 1878 года, можно только удивляться последующему заключению брака. Н. В. Бугаеву было совершенно ясно, что брак заключается «Звездочкой» по эгоистическому и циничному расчету. Он высказывает это своей невесте гневно, резко и оскорбительно: «Вы так спокойно и холодно рассчитываете все выгоды и невыгоды вашего личного Я, что можно подумать, что Вы заключаете торговую сделку на любовной бирже».¹²⁷ Помимо всего прочего он обвиняет ее в бесчестности, эгоизме, тщеславии и причиненном жениху «бесконечном зле».¹²⁸ Несомненно, у профессора Бугаева имелся действительный или воображаемый повод чувствовать себя оскорбленным, хотя столь же очевидна грубоватая и несдержанная гиперболизация в выражении своего чувства. Из мемуаров Андрея Белого известно, что Александра Дмитриевна не обладала ангельским характером, но и не была тем исчадием ада, каким предстает в этом письме.

Далее отношения развивались по сценарию, напоминающему многие психологические коллизии в романах Достоевского. За оскорбительным письмом последовало примирение. Уже в апреле того же года Н. В. Бугаев просит «милую Сашу» назначить день свадьбы и заверяет ее в своем намерении «поступить честно, ясно и определенно».¹²⁹ Через несколько

¹²⁵ Тарумова Н. Т., Уланова А. В. Николай Васильевич Бугаев. С. 198–201.

¹²⁶ В письме к невесте профессор Бугаев писал: «У меня вертится постоянно в голове мысль: *будьте прокляты*» (цит. по: Тарумова Н. Т., Уланова А. В. Николай Васильевич Бугаев. С. 200).

¹²⁷ Там же. С. 198.

¹²⁸ Там же. С. 199.

¹²⁹ Там же. С. 200.

дней он пишет уже не «милой Саше», а «Милостивой Государыне Александре Дмитриевне» о полном разрыве их отношений. Бывшей невесте инкриминируется «нравственный цинизм» и стремление «играть недостойную комедию». Резюмируя суть поведения Звездочки, профессор писал, что она «надругалась над Богом, мною и вашими родными».¹³⁰ На этом сохранившаяся переписка обрывается. Вероятно, остальные письма были уничтожены или пропали в беспокойные годы.

Неизвестно, при каких обстоятельствах состоялось очередное и хрупкое примирение. Известен только его результат: женитьба и рождение в том же году сына, названного Борисом. Вряд ли обе стороны забыли нанесенные друг другу обиды. Звездочка вступила в брак с уже основательно подорванным душевным здоровьем. У нее развилась, по словам ее врача, «болезнь чувствительных нервов»,¹³¹ сопровождавшаяся тяжелыми истерическими припадками. Андрей Белый сравнил этот недуг с отравленной шкурой кентавра Несса, приросшей к телу Геракла.¹³² Поэтому «жестокости» матери по отношению к сыну писатель впоследствии оправдывал, считая их результатом ее невыносимых душевных страданий. «Когда с нее снималась эта к ней прирастающая шкура, она менялась; в корне она была — прекрасным, чистым, честным, благородным человеком».¹³³

Нередко Андрей Белый был склонен винить отца в заболевании матери. Одной из причин, усугубивших конфликт, по мнению писателя, была не только психическая несовместимость, но и большой возрастной разрыв между родителями: «почти старик и — почти ребенок, в первый год замужества играющий в куклы».¹³⁴ Хотя здесь имеется некоторое преувеличение. При заключении брака профессору Бугаеву было сорок два года, а Звездочке — двадцать два.¹³⁵ В те времена девушки выходили за-

¹³⁰ Тарумова Н. Т., Уланова А. В. Николай Васильевич Бугаев. С. 200.

¹³¹ Белый А. На рубеже двух столетий. С. 99.

¹³² Там же. Изложение мифа о кентавре и предсмертных мучениях Геракла см.: *Аполлодор*. Мифологическая библиотека. М., 2006. С. 159–160, 162–163.

¹³³ Белый А. На рубеже двух столетий. С. 100.

¹³⁴ Там же. С. 96.

¹³⁵ Приблизительно такое же возрастное соотношение было между сорокапятилетним Ф. М. Достоевским и его двадцатилетней второй женой Анной Сниткиной. Разница в возрасте не помешала этому браку стать образцом супружеской любви и преданности, при всех драматических сложностях внешней жизни. Соответственно, не в различии возрастов следует усматривать главную причину семейных конфликтов Бугаевых.

муж гораздо раньше, так что Александре Дмитриевне грозила опасность остаться «старой девой». Да и сорок лет — отнюдь не старость, даже по меркам того времени. Но Андрея Белого травмировала эта разница в возрасте. Отец представлялся ему, скорее, «дедом», а мать — почти ровесницей. На этой почве в его воображении развивались кошмарные образы насилия старика над юной девушкой. С навязчивой силой они выразились в романе «Петербург».

Аполлона Аполлоновича Аблеухова посещают воспоминания о его первой брачной ночи: «ужас в глазах оставшейся с ним подруги — выражение отвращения, презрения, прикрытое покорной улыбкой; в эту ночь Аполлон Аполлонович Аблеухов, уже статский советник, совершил гнусный, формой оправданный акт: изнасиловал девушку; насильничество продолжалось года». ¹³⁶ При таких обстоятельствах и был зачат сын «статского советника». Акт зачатия состоялся «между двух разнообразных улыбок; между улыбками похоти и покорности». ¹³⁷ В результате родившийся ребенок стал «сочетанием из отвращения, перепуга и похоти», иными словами, стал воплощенным «ужасом». ¹³⁸

Родители Николая Аблеухова, вместо того чтобы «очеловечивать ужас», ими порожденный, лишь раздували его. Неправомерно отождествлять ситуацию, описанную в «Петербурге», с семейной драмой Бугаевых, но нельзя и не видеть в ней некоторого отголоска мучительных воспоминаний Андрея Белого о его детстве; хотя и здесь было бы большим преувеличением считать Котика «ужасом», нуждающимся в очеловечении. Семейный конфликт принял поистине ужасные формы в результате борьбы между родителями, имевшими диаметрально противоположные взгляды на методы воспитания их ребенка. И здесь большая часть вины лежит на Александре Дмитриевне Бугаевой, приложившей все усилия, чтобы внушить Котику страх и отвращение к отцу. В результате отец и сын надолго разучились говорить друг с другом. ¹³⁹ Только постепенно, по мере взросления ребенка, «в годах стабилизировались под контролем ревнивого ока матери прилично официальные отношения», ¹⁴⁰ но тем сильнее чувствовалась горечь утраты взаимного доверия. Отец и сын «потеряли друг друга». ¹⁴¹ В той перспективе, в которой Андрей Белый

¹³⁶ Белый А. Петербург. С. 362.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Белый А. На рубеже двух столетий. С. 97–98.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Белый А. Крещеный китаец. С. 213.

рассматривал свои отношения с отцом как результат предшествовавших инкарнаций, это означало для него «утрату друга», связанного с ним духовными узами на протяжении многих жизней: «... (утратил я друга!); и эта потеря в годах затерялась, когда потерял я способность быть искренним с папочкой».¹⁴² Восстановлению этой памяти и посвятил в значительной степени свое творчество Андрей Белый, начиная с анамнестических переживаний, сопровождавших его работу над «Котиком Летаевым» и нашедших свое завершение в романе «Москва».

Утрате памяти о *друге* из «дорожденной страны» бессознательно способствовала мать Котика. Звездочка хотела любой ценой изгладить в ребенке малейшие признаки сходства с отцом. Котика пугали внезапные приступы слез у матери, оплакивавшей «бугаевские» («летаевские») черты своего сына. В его присутствии она начинала с угрозой говорить «о летаевских — лбах, носах, подбородках, раскосом поставленных глазах».¹⁴³ Это воображаемое сходство¹⁴⁴ ребенка вынуждали воспринимать как «позор», усугубляя в нем и без того рано развившееся чувство *иррациональной вины* перед своими родителями. Особое негодование вызывал у матери большой лоб Котика, ибо она до истерических припадков страшилась превращения ее ребенка во «второго математика». Это чувство со временем приняло патологический характер. Искусственно мальчика стали стилизовать «под девочку»: его наряжали в «атласное платьице», заставили отрастить «шапку волос», скрывающую на редкость красиво сформированный лоб. Не удивительно, что ребенок начал «переживать свой лоб как *гудовищное преступление*» (курсив мой. — В. И.).¹⁴⁵

Только работая над «Петербургом», Андрей Белый в первый раз решился «вынести сор из избы» и вербализовал свои воспоминания о материнских «экспериментах» («она одевала его в кружева, отпускала волосы до плеч; этим, верно, хотела скрасить едва улавливаемые черточки всех Аблеуховых»),¹⁴⁶ — но затем исключил эти подробности, способные вызвать неудовольствие Александры Дмитриевны, из основного текста романа, чтобы уже после ее кончины в полной мере использовать подобные детали в своих произведениях.

¹⁴² Белый А. Крещеный китаец. С. 213.

¹⁴³ Белый А. Котик Летаев. С. 99.

¹⁴⁴ Судя по фотографиям, мальчик был гораздо больше похож на мать, чем на отца; точнее говоря, нельзя обнаружить в нем даже малейших следов сходства с Н. В. Бугаевым.

¹⁴⁵ Белый А. На рубеже двух столетий. С. 98.

¹⁴⁶ Белый А. Книжная («Некрасовская») редакция двух первых глав романа «Петербург» // Белый А. Петербург. С. 468. Текст опубликован Л. Долгополовым. См. также его примеч. на с. 688.

Другим тяжелым последствием материнского «воспитания» стала сознательная стилизация себя Котиком «под дурачка». Александра Дмитриевна зорко следила за тем, чтобы общение с отцом не привело ребенка к «преждевременному развитию». После каждой «назидательной» беседы с отцом сыну устраивался скандал с угрозой навсегда от него отречься; отцу же мать с досадным постоянством заявляла о необходимости развода. Ребенок переживал такие заявления «эсхатологически»: «Каждый взрыв угрожает разездом отца и матери; для меня же, — писал Андрей Белый, — этот разезд — конец миру, конец моего бытия».¹⁴⁷ Чтобы предотвратить семейную катастрофу, четырехлетний Котик выработал целую серию приемов, имитируя «дурачка» с заторможенным развитием. В свою очередь, «грим дурачка» невероятно раздражал и приводил в отчаяние профессора Бугаева, желавшего видеть в своем сыне будущего ученого.

Постепенно мальчик приобрел «мучительную привычку говорить глупости».¹⁴⁸ Вплоть до старших классов гимназии он «ходил с испуганным, перекошенным лицом», изнемогая под «бременем своей незадачливости, уродливости и “вины”, в которой не виноват (курсив мой. — В. И.)».¹⁴⁹ Не удивительно, что жизнь воспринималась ребенком как «царство бессмыслия, царство слез и обид».¹⁵⁰ Это сделало его в юные годы особо восприимчивым к пессимистической философии Шопенгауэра, а детская «эсхатология» трансформировалась в чаяние «конца мира», предвозвещенного Апокалипсисом.

Со временем обстановка в семье несколько улучшилась. Письма профессора Бугаева к Александре Дмитриевне конца 1890-х годов написаны в ровном, холодно-вежливым тоне. Вернувшись из заграничной поездки в августе 1897 года, Николай Васильевич не спешил повидаться с женой, отдыхавшей на даче в Подмоскowie: «Ввиду позднего времени я уже не могу приехать к Вам, тем более что я несколько устал от всех путешествий».¹⁵¹ От прежних гневных вспышек, как и от «увлечения пропорциями» не осталось и следа. Помня об этой конечной фазе семейной жизни, Андрей Белый завершил свой роман «Петербург» сценой примирения Аполлона Аполлоновича со своей супругой, вернувшейся в Петербург после двухлетних странствий с «итальянским артистом».

¹⁴⁷ Белый А. На рубеже двух столетий. С. 210.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же. С. 218

¹⁵¹ Цит. по: Тарумова Н. Т., Уланова А. В. Николай Васильевич Бугаев. С. 197.

Столь же примирительно отнесся профессор Коробкин (роман «Москва») к измене своей жены Василисы Сергеевны, вступившей в любовную связь с его другом юности профессором Задопьятовым: он давно дал ей «свободу», был способен волноваться научными открытиями, даже таракашками в шкафу, но только «н е э т и м» (т. е. любовными увлечениями жены).¹⁵² Опять-таки, приведенные сюжеты романов не отражают полноту действительности в кармически запутанной жизни Бугаевых. Главным для Андрея Белого оказалась наступившая в определенный момент возможность достигнуть хотя бы некоторого понимания в семье. С 1901 года писатель начинает переживать радость осмысленного общения с отцом. «В той же мере я, — вспоминал Белый, — сблизился с матерью».¹⁵³ И всё же в подходе к своему сыну родители «до конца жизни остались антиподами».¹⁵⁴

Только смерть Н. В. Бугаева 29 мая 1903 года положила конец перманентной семейной драме. Чем дальше она отходила в прошлое, тем сильнее в Андрее Белом проступало сознание неразрешимой загадочности своей кармической связи с родителями, и прежде всего с отцом. Всё подсказывало ему, что причины, соединившие столь разных людей узами кровного родства, не могут быть найдены и объяснены в рамках одной жизни. Особенно яркие анамнестические переживания пробуждал в писателе образ Н. В. Бугаева. После его кончины общение с усопшим приняло формы «свидания по-новому», став «встречей с живой атмосферой идейного мира его».¹⁵⁵ Такая встреча была возможной для Андрея Белого только при твердой вере в бессмертие человеческого «высшего Я» и умении медитативным путем восходить к переживаниям духовного мира. Освобожденная от телесной оболочки душа Н. В. Бугаева представлялась сыну более значительной, чем она проявила себя в условиях земного быта.

По-другому обстояло дело с отношением Андрея Белого к его матери после кончины ее мужа. Александра Дмитриевна не пробуждала в нем никаких особенных анамнестических переживаний, и в кармическом измерении она предстала, скорее, в роли гонительницы, чем *вегного друга*. Ходасевич отмечал, что «влюбленность в мамочку уживалась (у Андрея Белого. — В. И.) с невысоким мнением об ее уме по сравнению с умом отца и с инстинктивным, еще неосознанным отвращением к ее слишком

¹⁵² Белый А. Москва. С. 154.

¹⁵³ Белый А. Начало века. М., 1990. С. 23.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Там же. С. 276.

отчетливой, наглядной плотности». ¹⁵⁶ Поэтому, в отличие от поражающих своим богатством вариаций перевоплощений «крещеного китайца», ее образ в произведениях Андрея Белого носит второстепенный, частично замаскированный или даже откровенно негативный характер, примером чему служит Василиса Сергеевна Летаева (роман «Москва»).

У писателя не возникало желания отыскать след своей матери в прошлых инкарнациях. В «Крещеном китайце» она уподобляется гонителям ранних христиан: «что ж: христиане терзались; и львы выпускались из клеток»; так и Котик чувствует себя дома как в клетке, и к нему, разгневанная на вступление сына в Новый Завет с отцом, «в открытую дверь пролетает рычащая мамочка, львица». ¹⁵⁷ Чуть далее описывается, как мать била сына «за вступление в Новый Завет», при этом она уподобляется Иродову воину, участвовавшему в избииении вифлеемских младенцев. ¹⁵⁸ Совершенно ясно, что эти образы не носят характера кармических воспоминаний и ничего не говорят о прошлых инкарнациях жены профессора Бугаева. Они — только личины, подобию, символы; при всём том, символ такого рода «преобольно дерется». ¹⁵⁹ Образы же *неверных жен*, Анны Петровны («Петербург») и Василисы Сергеевны («Москва»), и вовсе, в отличие от образов их мужей, лишены соотнесенности с какими бы то ни было реинкарнациями в силу метафизической незначительности их индивидуальностей.

Не могли вдохновить Андрея Белого на анамнестические поиски духовного архетипа своей матери и отношения, сложившиеся с ней после кончины Н. В. Бугаева, хотя, казалось бы, отпал главный повод для семейных конфликтов. Писатель пытался добиться от матери понимания своих духовных исканий, но постоянно наталкивался на деспотические претензии Александры Дмитриевны. «Я должен буду подтвердить свои данные Богу обещания, стоять на страже зарождающегося религиозного искания, — писал ей Андрей Белый в 1904 году, — Ты же будешь на меня за это сердиться». ¹⁶⁰ В письмах и дневниковых записях постоянно звучат жалобы на нежелание матери помочь сыну в трудных финансовых об-

¹⁵⁶ Цит. по: *Малмстад Дж.* Ходасевич. С. 163. Цитата дана с некоторым сокращением правок, имеющихся в опубликованном черновике Ходасевича.

¹⁵⁷ *Белый А.* Крещеный китаец. С. 267.

¹⁵⁸ Там же. С. 273.

¹⁵⁹ Там же. С. 267.

¹⁶⁰ «Люблю Тебя нежно...»: Письма Андрея Белого к матери. 1899–1922 / Сост., предисл., вступ. статья, подгот. текста и коммент. С. Д. Воронина. М., 2013. С. 45.

стоятельствах. Так, например, в «Материалах к дневнику» Андрей Белый пишет о том, как после его возвращения в Москву в 1911 году жизнь там «кончается роем недоразумений с мамой, не желающей мне помочь (между тем как я ей отдал когда-то все деньги, оставшиеся от папы, и ей пошли деньги от продажи имения), <...> мама же жестко бросает мне, что я желаю ее обобрать».¹⁶¹ Понятно, что конфликты, разворачивающиеся на таком низком уровне, когда стороны решают, кто кого *обобрал*, делают бессмысленными поиски духовных архетипов и сосредотачивают внимание на улаживании чисто земных проблем.

Не менее драматично складывались отношения А. Д. Бугаевой со спутницей Андрея Белого Асей Тургеневой. В них можно усмотреть возобновление семейной драмы, несколько поутихшей после кончины отца писателя. Поскольку рассмотрение этого нового конфликта выходит за рамки данной статьи, достаточно лишь указать на его острые формы, болезненно отражавшиеся на внутренней жизни Андрея Белого и, в известном смысле, возвращавшие его в атмосферу домашних скандалов, омрачавших его детство. В «Материалах к биографии» он упоминает одну из таких сцен: «...ужасная ссора Аси с мамой, в которой Ася была ни в чем не виновата, а мама была вопиюще несправедлива к Асе».¹⁶² Переживание *вопиющей несправедливости* по отношению к себе со стороны матери проходит сквозной темой через всю жизнь Андрея Белого, хотя, с другой стороны, принимая во внимание «многоэтажную» структуру психической жизни великого писателя, не удивительно, что чувство обиды от непонимания и несправедливости сочеталось у него с потребностью в материнской любви.

Последние отголоски семейной драмы Бугаевых на земном уровне заглохли после кончины Александры Дмитриевны в октябре 1922 года. В это время Андрей Белый находился в Берлине и вернулся в Москву только через год. Он не только не приехал на похороны матери, но даже не знал места ее захоронения. Издатель писем Андрея Белого к матери С. Д. Воронин обратил внимание на то, что в «Ракурсе к дневнику» «в записях за октябрь 1922 года нет ни слова о смерти матери», и высказал предположение о том, что «видимо, до конца своих дней писатель мучительно переживал, что не простился со своей матерью и не похоронил ее, как подобает сыну».¹⁶³ Однако нельзя исключить и другого истолкования этого странного молчания о смерти матери, резко контрастирующе-

¹⁶¹ Цит. по: Воронин С. Д. Предисловие // «Люблю Тебя нежно...». С. 17.

¹⁶² Там же. С. 19.

¹⁶³ Там же. С. 24.

го с подробным описанием в мемуарах Андрея Белого благостной кончины его отца и последующего духовного общения с ним.

Семейным связям Андрей Белый противопоставлял принцип духовного родства, а чувству зависимости от уз крови и бремени наследственности — свой анамнестический опыт, убеждавший его в собственной *нерожденности*, обусловленной метафизической природой человеческой души, что, однако, не исключает возможности в рамках семейных отношений найти *везного друга и спутника*, обретенного некогда за пределами, поставленными эмпирическому сознанию. В этой перспективе Андрей Белый и рассматривал свою зачарованность образом отца, наступившую после кончины Н. В. Бугаева. Смерть последнего он пережил как мистическое событие освобождения бессмертного духа от телесных оболочек, нередко скрывавших подлинное существо творца *эволюционной монадологии*. Усопший предстал перед сыном как просветленный помощник — «утешитель в скорбях»: «Продолжала по смерти свершать свою миссию светлая <...> жизнь».¹⁶⁴ Опыт духовного общения с отцом, перешагнувшим порог смерти, побуждал Андрея Белого искать объяснение таинственной связи с ним за чертой рождения и смерти, свидетельством чему служит большинство его метафизически многомерных творений.